

Глава 10: Умный герой не лезет в беду.

– Привидение-е-е!!!

Резкий крик изнутри чуть было не сорвал улыбку с лица управляющего Чжана.

Он даже невольно дернул щекой, едва сдерживая смех.

Ну, если подумать...

Мама Лю ведь уже далеко не молода — ей, наверное, лет под восемьдесят!

А наряжается...

Как павлин!

Густо намазанный белилами, сморщенный до предела лицо — когда она улыбается, кажется, будто морщины вот-вот сомкнутся и раздавят муху.

Так что ничего удивительного, что девчонка там закричала про привидение.

Хотя, конечно, среди бела дня бояться нечисти... Может, у нее зрение слабое?

Чжан, задумчиво потирая подбородок, размышлял о причинах происходящего, а в дровяном сарае продолжался настоящий переполох.

– Не подходи ко мне! А-а-а! Что ты делаешь?!

– Не трогай меня! Спасите! Нет, не трогай!

– Ой, щекотно! Аха-ха-ха-ха! Нет... не-е-е-т...! Аха-ха-ха! Ладно, ладно! Простите! Простите! Ха-ха-ха! Спаситееее!

Если бы кто-то случайно проходил мимо, не зная, что там происходит, он бы не на шутку напрягся.

Да что там — даже Чжан, слушая это, вдруг почувствовал какое-то странное волнение.

А уж прислуга, что собралась у стены, просто радостно перешептывалась и посмеивалась, украдкой бросая взгляды на сарай.

Даже танцовщицы из второго этажа, только что закончившие выступление, толпились у окон, хихикали и бурно обсуждали происходящее.

– Что за цирк?!

Чжан не выдержал.

Резко обернувшись к зевакам, он прикрикнул:

– А ну, к работе! Или хотите, чтобы я вам задал?!

Прислуга тут же разбежалась, но танцовщицы, не боясь Чжана, остались на своих местах, с интересом наблюдая за сценой внизу.

В сарае разборки продолжались довольно долго.

Но, наконец, мама Лю все же вышла.

Ее лицо было мрачнее тучи.

Она плотно захлопнула дверь, но, подойдя к Чжану, мгновенно преобразилась.

Широкая улыбка — словно и не было той хмурости.

– Ну, как? – спросил Чжан.

– Отлично! Просто отлично!

Мама Лю сияла, как будто еще минуту назад не была зловещей ведьмой.

– Будет хорошей танцовщицей!

– Тело гибкое, сильное, – похвалила она, кивая.

– Правда, кожа слишком смуглая.... И грудь маловата.... Может, гостям не слишком понравится!

– Ерунда! – отмахнулся Чжан. – Лицо можно побелить. А грудь — подложить что-нибудь. Вот и вся проблема.

Но управляющий Чжан лишь отмахнулся, не придавая этому особого значения, и сказал:

– Оставляю эту девчонку на тебя! Сейчас она, наверное, еще не хочет становиться танцовщицей, но придумай, как заставить ее согласиться! Только без грубости! У нас тут приличное заведение. Если бы не её долг за еду, я бы даже не стал ее брать, даже если бы она сама напросилась!

– Да-да-да! Оставьте это мне! Обещаю, через пару дней она будет кроткой, как шелковый котенок, и сама согласится! – улыбаясь, заверила мама Лю.

– Хорошо! Тогда так и поступим! Для начала можно оставить ее голодной на несколько дней! – бросил управляющий Чжан, после чего развернулся и ушел. Подобные мелочи не требовали его дальнейшего вмешательства — остальное теперь было делом мамы Лю.

Как только управляющий Чжан скрылся, улыбка с лица мамы Лю мгновенно исчезла, сменившись мрачным, злобным выражением.

«Мелкая дрянь! Осмелилась смотреть на меня, как на привидение? Ну, ничего, посмотрим, как ты запоешь!»

С этой мыслью она вышла из заднего двора.

Девчонку только что привели, она еще упертая. В таком состоянии что ни сделай — только наткнешься на сопротивление. Лучше оставить ее на пару дней без внимания, пусть упрямство поутихнет — а там уже видно будет.

Когда управляющий Чжан и мама Лю ушли, танцовщицы, которые до этого толпились у окна, наблюдая за происходящим, потеряли интерес. Видя, что в сарае больше нет шума, они поочередно захлопнули ставни и разошлись отдыхать.

Задний двор, только что гудевший от чужих голосов, вдруг погрузился в тишину.

\*\*\*

Е Цин лежала на куче соломы в деревянном сарае. Ее воротник был распахнут, обнажая ключицы и лоскут гладкой шелковой ткани цвета озерной зелени, плотно обмотанный вокруг груди. Пояс был развязан, одежда сбилась в сторону, а штаны и вовсе сползли наполовину.

Со стороны казалось, будто над ней только что... надругались. На лице застыла гримаса

унижения.

– Да просто не разглядела и крикнула "привидение", ну и что?

Неужели эта старая ведьма должна была так бесцеремонно ее лапать, щипать и мять?!

Теперь все тело зудело и болело, одежда валялась в беспорядке, а главное — ее ощупали буквально повсюду! Одно дело, если бы это сделала красавица, но ведь это была старая карга! Обиднее и не придумаешь!

За всю свою жизнь она не испытывала такого унижения!

– Хоть убейте, но я никогда не стану танцовщицей!

Е Цин стиснула зубы, злоба кипела в ней.

Но как сбежать?

Сейчас ее внутренняя энергия была запечатана, а силы — не больше, чем у простого человека. Попытаться бежать? Это невозможно. Или же ей действительно придется смириться и провести всю жизнь в роли танцовщицы?

Двести лянов серебром! Когда же она сможет отдать такой долг?

Лицо исказилось от ярости.

«Эти древние богачи — такие же кровопийцы, как и в моем времени! Обычные разбойники!»

Нет! Единственный шанс на побег — освободить заблокированные энергетические точки, тогда она сможет разблокировать даньтянь и вернуть свою силу. А для этого... ей нужно начать тренироваться.

Ведь причина ее нынешнего состояния — тот самый холод, поселившийся в ее теле, не так ли?

Осознав это, она больше не пыталась культивировать свою силу. Даже несмотря на незажившие внутренние раны, Е Цин упорно воздерживалась от использования энергии для исцеления, лишь бы избежать дальнейших изменений в своем теле.

Тем более теперь, когда второго брата больше нет.... Если вдруг у нее начнет расти грудь, это будет полным концом.

Но сейчас, чтобы не провести всю жизнь в роли танцовщицы, ей придется тренироваться, хочет она того или нет!

Придя к этому выводу, Е Цин лишь тяжело вздохнула. Связанное, словно цзунцзы, тело с трудом перевернулось — она выгнула спину, немного извиваясь, как червяк, чтобы устроиться на куче соломы поудобнее. Затем снова перевернулась, закрыла глаза и начала направлять энергию.

(Цзунцзы — китайское блюдо, клейкий рис с начинками, завёрнутый в бамбуковый, тростниковый или любой другой плоский лист, варёный на пару.)

Когда управляющий Чжан тогда ее обездвигил, он запечатал четыре важные точки на ее теле, заблокировав поток внутренней силы. Но стоило ей их разблокировать — и энергия вновь начнет свободно циркулировать. Тогда... Что ей какая-то веревка толщиной с палец? Даже если перед ней окажется высокая стена, она все равно сможет ее преодолеть!

Стоит ей только незаметно улизнуть и спрятаться в горах — посмотрим, как тогда управляющий Чжан будет ее искать!

С этой мыслью, полная решимости, она сосредоточилась и продолжила пробивать заблокированные точки.

Однако... Чжан был гораздо искуснее ее, а использованный им метод блокировки — крайне необычным. Это была не простая техника. К тому же, она сама изучала лишь базовые военные методы культивации, а не продвинутые техники. И пусть ее ледяная энергия была глубокой и особенной, этого было недостаточно.

Она уже не раз пробовала прорвать блокировку, но безуспешно — в итоге вся покрылась потом, а точки так и не ослабли.

Так рухнула ее надежда на легкое освобождение.

Отчаяние охватило сердце, но она тут же отогнала эту мысль. Нет! Она не сдастся! Если сейчас не удастся пробить точки, значит, нужно тренироваться! Тренируйтесь до тех пор, пока не будет достаточно силы, чтобы пробить их!

Она снова закрыла глаза и сосредоточилась, но теперь уже не на том, чтобы пробить заблокированные точки, а на том, чтобы правильно направлять поток энергии и успокоить дыхание.

Во дворе стояла полная тишина. Из дровяного сарая не доносилось ни звука.

Незаметно для всех управляющий Чжан вновь появился во дворе. Несмотря на свою грузную

фигуру, он двигался бесшумно, так что в сарае никто и не заподозрил его присутствия.

Он не стал заходить внутрь, лишь на мгновение застыл в задумчивости, прислушиваясь к тишине, а затем молча развернулся и ушел.

\*\*\*

Ночь опустилась на задний двор.

Сгустившийся мрак окутал всё вокруг, а в деревянном сарае стало еще темнее.

Е Цин тренировалась весь день и только сейчас закончила. Почувствовав, что стемнело, она вдруг испытала тревогу. Уже так поздно, а еды ей так и не принесли. Похоже, решили морить голодом...

Голод не убьет ее, но вот довести до полуживого состояния вполне способен.

Этот способ оказался по-настоящему жестоким, но что она могла сделать? Оставалось только молча терпеть.

Она была уверена, что ее воля достаточно крепка. Однако... всего лишь второй день, а она уже едва держалась.

Кроме голода, невыносимыми были и комары. Целую ночь, она провела, объятая и мучительным голодом, и зудом от укусов. К утру силы совсем покинули ее, но она стиснула зубы и продержалась до полудня.

А когда солнце стало клониться к закату, мысль о том, что с наступлением темноты эти кровососущие снова набросятся на нее, заставила тело покрыться мурашками.

Она больше не могла терпеть.

– Эй! Кто-нибудь! Есть тут люди?! Принесите еду! Я умираю!

Голос ее был слабым, словно предсмертный стон. Она не ела уже четыре приема: вчерашний ужин, завтрак, обед... и вот уже снова вечер. В животе сводило от голода, а силы уходили.

После нескольких криков горло пересохло, и она уже не могла ни кричать, ни шевелиться.

Лишь спустя долгое время, когда она с трудом набралась сил, чтобы вновь позвать на помощь, дверь сарая со скрипом отворилась.

На пороге появилась мама Лю.

– Что? Не выдержала? – голос звучал с издевкой.

Она, как и прежде, была разукрашена вульгарно: одежда кричащих цветов, лицо покрыто толстым слоем белила.

В первый раз, увидев ее, Е Цин едва не испугалась до смерти, решив, что среди бела дня наткнулась на привидение.

Но сейчас, в этом мраке и голодном бреде, эта старая карга.... казалась ей ангелом.

– Не могу больше! Я умираю с голоду! Принесите мне еду, сейчас же!

Е Цин и раньше бывало голодала, но максимум — пропускала один прием пищи. В те времена ей даже простая миска вареного риса казалась невероятным лакомством.

А сейчас... Она не ела уже четыре раза подряд. От голода у нее перед глазами вспыхивали зеленые огоньки!

И только теперь она начала понимать, почему в истории случались случаи людоедства. Когда человек доведен до крайности, он действительно способен сожрать что угодно — хоть солому, хоть человеческую плоть...

– Хочешь есть? Да это проще простого! – мама Лю холодно усмехнулась. – Просто веди себя хорошо, соглашайся стать танцовщицей, учись танцам — и тогда можешь есть, что душе угодно!

– Ладно, ладно, буду! – Е Цин даже не стала раздумывать.

Танцовщица так танцовщица! Лишь бы не вынуждали к чему-то хуже. Терпеть — это не проблема.

Как говорится, "умный человек не станет терпеть лишних страданий". Как только она восстановит свою силу, сможет уйти, когда захочет. Зачем же зря лежать в сарае, страдая от голода и укусов комаров?

С этой мыслью ей стало чуть легче.

Конечно, мама Лю не настолько наивна, чтобы сразу поверить ей на слово. Но и не слишком волновалась: что может сделать какая-то девчонка? Раз уж согласилась, выбора у нее все равно

больше не будет!

– Эй, кто-нибудь! Отнесите ее в комнату! – приказала она, выходя из сарая.

Тут же появились двое здоровяков. Один поднял Е Цин за плечи, другой — за ноги, и так, словно мешок, они вынесли ее из сарая, поднялись по задней лестнице на второй этаж и затащили в отдельную комнату.

Это, похоже, была обычная гостевая комната — обстановка вполне приличная, вся необходимая мебель на месте.

Е Цин подумала, что, наверное, мама Лю уже приготовила для нее еду. Но, войдя внутрь, увидела пустой стол.

Ни крошки.

Двое здоровяков внесли ее в комнату, усадили на стул, быстро развязали веревки и, не сказав ни слова, вышли, унося их с собой.

– Эй! А где моя еда?! Я тут умираю!

Е Цин была настолько ослаблена от голода, что едва держалась на стуле. Она попыталась встать, но сил не хватило — тело тут же обмякло, и она снова рухнула на сиденье.

Но, к счастью, после ее крика в комнату вошла молодая женщина с утонченными чертами лица. В руках у нее был поднос с двумя пиалами — одна большая, другая поменьше.

Еще до того, как девушка переступила порог, Е Цин уже почувствовала манящий аромат свежесваренной рисовой каши. Она даже не взглянула на принесшую еду девушку — ее глаза жадно впелись в две миски с кашей.

Девушка аккуратно поставила поднос на стол, затем взяла маленькую пиалу, зачерпнула из большой порцию каши и протянула ее Е Цин.

– На, сестренка, ешь.

Е Цин схватила миску и, не раздумывая, принялась буквально заливать в себя содержимое, словно воду.

– Ешь помедленнее, сестренка, а то подавишься! – мягко упрекнула девушка и аккуратно вытерла уголки губ Е Цин платочком, убирая стекающие капли каши.

Но предупреждение осталось без внимания. Буквально через несколько секунд миска опустела.

Хорошо еще, что каша была не слишком горячей, а как раз нужной температуры. Иначе, будь она хоть немного теплее, можно было бы серьезно обжечь горло. Очевидно, мама Лю заранее обо всем позаботилась.

– Вкусно! Еще!

Одна маленькая пиала никак не могла насытить ее. Как только Е Цин доела, она тут же потребовала добавки.

– Хорошо! – мягко ответила девушка, забрала пустую миску, снова зачерпнула из большой пиалы и протянула Е Цин новую порцию.

Эта миска тоже опустела так же быстро, как и первая. Теперь, наконец, в желудке появилось хоть что-то — ощущение пустоты, которое буквально сводило ее с ума, немного утихло.

– Сестренка, хочешь еще? – поинтересовалась девушка, заметив, что Е Цин доела кашу.

– Пока отдохну.

Е Цин была не глупа: знала, что человек, который долго голодал, не должен есть слишком много сразу. Желудок просто не справится, и, если переест, можно даже умереть от разрыва.

А такая смерть, несомненно, была бы очень мучительной.

Хотя две миски каши едва ли насытили ее, ради собственной безопасности она решила немного потерпеть.

Лишь теперь ее взгляд задержался на девушке, принесшей еду.

Она внимательно оглядела незнакомку и тут же вспомнила: это была одна из танцовщиц, выступавших в зале. Изящная фигура, утонченные черты лица — несомненно, красавица.

– Как тебя зовут, сестрица?

Е Цин разглядывала девушку, наслаждаясь ее внешностью. От нее исходил легкий, приятный аромат, и, уловив его, Е Цин невольно задала вопрос.

– Все зовут меня сестрица Юй. Ты тоже можешь звать меня так.

Юй-эр улыбнулась и, представившись, спросила в ответ:

– А тебя как зовут, сестренка?

Слово "сестренка" вызвало у Е Цин желание резко возразить. Но, подумав, она подавила раздражение.

Какая разница, как ее называют? Она и так уже опустилась до уровня танцовщицы. Разве стоит теперь цепляться за мелочи?

Вдруг нахлынуло тягостное чувство, и она, немного помедлив, тихо произнесла:

– Меня зовут Е Цин.

\*\*\*

<http://bllate.org/book/16041/1431351>